

ПЕРЕСКАЗ КАК ИСКУССТВО ИСТОРИКА:
К ВОПРОСУ О РУКОПИСНОЙ ТРАНСМИССИИ
ИСТОРИОПИСАНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
И ДРЕВНЕЙ СКАНДИНАВИИ

© 2020 г. Д. Глебова

Аспирантка Института славяноведения РАН

darsgleb@gmail.com

До 1016 г. версии «Повести временных лет» (ПВЛ) по ее основным киевским спискам и по Новгородской первой летописи младшего извода (Н1Лмл.) обычно соотносятся либо как близкие копии, либо как расширенная/сжатая редакции одного текста. Это правило нарушается лишь в рассказе о конфликте Ярослава и новгородцев под 1015–1016 гг. Здесь ПВЛ и Н1Лмл. соотносятся скорее как пересказы одного источника: анализ соотношения версий показывает, что между ними сохраняется каркас из идентичного текста, а содержательные изменения вносятся в рамках лексико-грамматического или же риторического параллелизма. Подобное соотношение встречается в других, современных летописи, историографических традициях на родном языке — например, таким образом выглядит рассказ о смерти Хакона ярла в древнеисландском своде королевских саг «Круг Земной» (*Heimskringla*, ca.1220–1230) при сравнении с «Обзором саг о норвежских конунгах» (*Ágrip af Nóregskonungasögum*, ca.1190). В статье предлагается рассматривать подобные случаи пересказа текста предшественника как характерную для средневекового историописания форму проявления «авторства», для которой мастерством является умение внести в текст изменения, не нарушая его общей конструкции. Кроме того, сравнение с «Кругом Земным» показывает, что средневековые историки могли переключаться между различными способами (модусами) воспроизведения текста, в числе которых был пересказ, что позволяет предположить то же самое в случае составителей «Повести временных лет» на одном из этапов ее сложения.

The two versions of the *Tale of Bygone Years*, manifested in its Kievan copies and the *Novgorod First Chronicle*, correspond usually either as two close copies or as a longer and an abridged redactions of the same text. This trend changes only in the episode of the conflict between Jaroslav Vladimirovich and Novgorodians (1015–1016) where the versions relate rather as two retellings; the analysis shows that the versions share the same structure based on the identical text and variation in the form of lexico-grammatical or rhetorical parallelism. Paraphrasis of this kind can be found in the contemporary historiographical vernacular tradition — for example, such is the relationship between the versions of the Hakon Jarl's death story in *Heimskringla* (ca. 1220–1230) and in *Ágrip af Nóregskonungasögum* (ca.1190). It is argued that the mode of retelling found in the Old Russian chronicle and in the *konungasögur* traditions can be seen as a manifestation of medieval “authorship”, characteristic for the historiographical discourse, where it was

a marker of skill to be able to introduce the change without changing the narrative too much. Moreover, the comparison with *Heimskringla* suggests that the medieval writers could switch between different transmission modes (copying, editing, retelling) and that in the manuscript tradition of the *Tale of Bygone Years* the case could be the same.

Ключевые слова: Повесть временных лет, вариация, пересказ, парафраз, «Круг Земной», трансмиссия средневекового текста, летописи и саги, средневековая история на родном языке.

Keywords: *Tale of Bygone Years*, retelling, paraphrasis, *Heimskringla*, medieval text transmission, sagas and Old Russian chronicles, medieval vernacular history

DOI: 10.31857/S0869544X0010411-5

Древнерусские летописи принадлежат к группе произведений с «открытой текстологической традицией», т.е. такой, для которой характерна высокая степень свободы обращения с текстом при его копировании — изменения в такой текст могли вноситься не только на уровне языка, но и на уровне содержания [1]¹. Это свойство «открытости» текста для изменений отличает летописи от «закрытых» рукописных традиций, где копирование было призвано лишь сохранить переписываемое (например, при копировании Св. Писания или объемных переводных памятников) [2. С. 217]. В случае с летописями эта функция дополнялась другой — поновление известий при создании нового свода отражало взгляд нового составителя, сформированный прочитанными им текстами, а также современной ему реальностью. Такое восприятие текста предшественника как «остова», который можно дополнять, сокращать, стилистически править, характерно не только для древнерусской историографии, но и для других историографических традиций на родном языке, например, при цитировании Беды Достопочтенного в трудах его последователей [3. Р. 80–83] или при копировании «исторических» древнеисландских саг (королевских и родовых) в новый конвой [4–5].

Однако, «открытость» летописной традиции не является безграничной — принципиальная возможность внесения в текст содержательных изменений разными писцами и на разных отрезках одного и того же текста может использоваться в разной степени или же не использоваться вовсе. Отсюда разнообразие типов соотношения, в которых две версии одного и того же текста могут находиться между собой: от полной идентичности (за исключением орфографических и мелких языковых разночтений) до тотальной редакторской правки с сильным расширением текста или его сужением, стилистической архаизацией или модернизацией и т.п. Статья посвящена такой форме соотношения версий текста, которая находится на грани копирования и редакторской переработки и скорее напоминает *пересказ-изложение* или парафраз. Примером подобного пересказа может служить рассказ о конфликте Ярослава Владимировича с новгородцами и его разрешении, содержащийся в Повести временных лет (ПВЛ) и Новгородской первой летописи младшего извода под 1015–1016 гг. (Н1Лмл.).

¹ Хотелось бы выразить благодарность А.А. Гиппиусу за вдохновение и возможность обсудить различные аспекты данной работы по ходу её сложения, а также участникам круглого стола «Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе» (10–11 июля 2020 г.), высказавшим очень ценные замечания во время дискуссии. Все оставшиеся неточности мои.

Фабула рассматриваемого летописного эпизода общеизвестна. В ответ на бесчинства, творившиеся в Новгороде варягами, нанятыми Ярославом для войны с собственным отцом, новгородцы истребили варягов «в Поромоне дворе». Узнав об этом, Ярослав, обманом заманив к себе знатных новгородцев, убил многих из них. Однако, сразу после мести он получил известие о смерти отца и вокняжении в Киеве Святополка. Наутро Ярослав обратился к новгородцам с драматической речью, прося их оказать ему помощь в борьбе с братом. Новгородцы согласились, и Ярослав с войском, состоящим из новгородцев и варягов, выступил в поход. Расхождения между версиями описания этого сюжета в ПВЛ и Н1Лмл. неоднократно рассматривались в контексте общей проблемы соотношения двух летописных сводов, на которую существует, как известно, два противоположных взгляда. Согласно гипотезе А.А. Шахматова, в начальной (по статье 6624 г.) части Н1Лмл. отразился киевский летописный свод 1090-х годов, предшествовавший созданной в 10-е годы XII в. ПВЛ и лежащий в ее основе. Свод этот был назван ученым Начальным сводом. В работах самого Шахматова и его современных последователей текст ПВЛ в указанных пределах рассматривается как результат переработки и дополнения текста Начального свода, сохраненного в Н1Лмл. Предполагается, что эта переработка была особенно значительной в части до 945 г., тогда как на остальном протяжении текста по 1016 г. она ограничивалась вставкой нескольких эпизодов. Противники гипотезы Шахматова, наоборот, рассматривают версию Н1Лмл. как позднейшую переработку ПВЛ, где многое было сокращено (ср. обзор дискуссии в [6]).

Сюжет о конфликте Ярослава с новгородцами обладает в плане сравнения текстов ПВЛ и Н1Лмл. значительной спецификой. Тексты двух версий в нем расходятся значительно больше, чем на основном протяжении летописного рассказа о событиях второй половины X в. В то же время их соотношение не может быть описано в терминах сокращения/распространения. На эту особенность указал К. Цукерман, отметив «изобилие мелких расхождений между текстами», хотя «в тех весьма значительных пассажах, где текст Н1Лмл. и ПВЛ параллелен, он как правило идентичен. При том, что ПВЛ зачастую интерполирует и дополняет текст источника, представленного для нас в Н1Лмл., она почти никогда не **пересказывает его своими словами** (выделено мной. — ДГ), как то, казалось бы происходит в статьях за 6523—6524/1015—1016 гг.» [7. С. 243]. Объяснение этого особенного соотношения до сих пор находилось в рамках определения «направления» пересказа. Так, тезис о вторичности Н1Лмл. по отношению к ПВЛ был убедительно опровергнут П.В. Лукиным [8—10]. Первичность же новгородского текста было предложено объяснять иным происхождением фрагмента в Н1Лмл., нежели текста до него, в связи с обрывом протографа Н1Лмл. на 1015—1016 гг.: составитель Н1Лмл. был вынужден обратиться к другому летописному памятнику для восполнения лакуны [11. С. 48]. При этом остается вопрос, каким именно источником мог пользоваться составитель Н1Лмл. Так, развивая наблюдения А.А. Шахматова [12. С.133 (пар. 123)], П.В. Лукин и, вслед за ним, С.М. Михеев пришли к выводу, что ПВЛ и Н1Лмл. на отрезке рассказа о Ярославе и новгородцах являются независимыми версиями одного текста, из которых Н1Лмл. точнее отражает протограф, но не Начальный свод; при этом П.В. Лукин настаивал на новгородском происхождении фрагмента [10. С. 17; 11. С. 30—32]. Старшинство Н1Лмл. в этом месте признал и К. Цукерман, который, однако, пошел дальше в реконструкции и возвел фрагмент 1015—1016 гг. в Н1Лмл. к наиболее древнему уровню начального летописания, «Сказанию

1016/17 гг.», а фрагмент о Ярославе и новгородцах посчитал составленным очевидцем событий [7. С. 243–247, 266, 292]. Таким образом, не смотря на разницу в реконструкции, сейчас текстологи сходятся на том, что ПВЛ и Н1Лмл. на отрезке 1015–1016 гг. являются двумя независимыми версиями одного текста, из которых Н1Лмл. представляется более близкой к протографу, а форма «пересказа» возникает скорее в версии, отраженной в ПВЛ.

В рамках дискуссии об определении очередности текстов внимание практически не уделялось самому по себе пересказу, на который указал К. Цукерман. Даже если построения текстологов верны, все равно остается неясным, почему в эпизоде о Ярославе и новгородцах составитель текста, отраженного в ПВЛ, не копирует и не сокращает/расширяет текст протографа, а решает его пересказать². Что становится причиной выбора именно такой стратегии воспроизведения текста? Чтобы подойти к этому вопросу, необходимо разобраться, что именно понимается под понятием «пересказ» в тексте летописи — для этого нужно проанализировать форму разночтений и мотивацию их появления во фрагменте.

Кроме того, особый интерес представляет появление формы пересказа в соотношении версий начальной летописи только на промежутке 1015–1016 гг. Представляется продуктивным провести типологическую параллель такой формы с рукописной традицией, где подобное соотношение встречается намного чаще. В частности, такие примеры известны в традиции древнеисландских родовых и королевских саг, которые также традиционно относятся к историописанию (ср. [14], а также ниже). Не проявляется ли в этом фрагменте такая форма работы с источником, какая была характерна по крайней мере для некоторых составителей и переписчиков саг?

В качестве эксперимента в статье описана форма пересказа в древнерусской начальной летописи и в древнеисландском своде королевских саг первой половины XIII в., известном как «Круг Земной» Снорри Стурлусона. При всех отличиях формы королевской саги от формы летописи, «Круг Земной» составлен всего на век позже «Повести временных лет» и, что более важно, написан на родном языке³. Кроме того, сходной представляется основа работы составителя ПВЛ и «Круга Земного»: их авторы использовали как устную традицию, так и уже существующие оригинальные исторические сочинения (саги о норвежских конунгах; летописные своды). Таким образом, на примере «Круга Земного» можно посмотреть, как составитель свода обращался с оригинальными историческими повествовательными сочинениями на родном языке, т.е. с источниками того же типа, что и реконструируемые предшествующие летописные своды в традиции ПВЛ. При анализе работы Снорри возникает вопрос, является ли форма пересказа предпочтением книжника/неотъемлемой частью формы трансмиссии текста или же она «включается» при определенной необходимости, в определенных условиях? Эти наблюдения позволяют спроецировать ситуацию «Круга Земного» на ПВЛ и создать модель использования пересказа в средневековой историографии, которую можно было бы проверять и дополнять в последующих исследованиях.

² По мнению К. Цукермана такая форма возникла из соединения в ПВЛ версии, отраженной в Н1Лмл., и «Паримийных чтений о Борисе и Глебе» [7. С. 254–256]. Ср. альтернативный взгляд в работе А.А. Гиппиуса [13], а также обсуждение ниже.

³ После многочисленных попыток увидеть в «Круге Земном» и других королевских сагах аналог современным им европейским латинским хроникам, исследователи все чаще приходят к выводу об уникальности саг и необходимости их сравнения не с латинской историографией, а с историописанием на родных языках [15. Р. 38].

Специфику соотношения текстов ПВЛ и Н1Лмл. в рассказе о Ярославле и новгородцах можно сопоставить с другими, предшествующими ему фрагментами начального летописания и посмотреть, например, на рассказы о Хазарской дани (Пролог), о походе Игоря на Царьград (941 г.) и о смерти Игоря и первой мести Ольги (945 г.) в киевском и новгородском изводах. Для проведения подобного сравнения необходимо оценить соотношение фрагментов в ПВЛ и Н1Лмл. по характеру вариации и по ее объему. Для такой оценки необходимо определить, что считать идентичным текстом, а что – вариацией, как на уровне языка, так и на уровне текстологии.

С точки зрения языка наиболее репрезентативными будут комплексные лексико-грамматические и синтаксические изменения, при которых перестроенной оказывается вся фраза или ее часть (как в ситуации парафраза или сужения/расширения фрагмента). Такая призма позволяет отличить копирование слово в слово от других типов воспроизведения текста⁴. В свою очередь, учет орфографической вариации, наоборот, может внести в анализ лишний «шум», так как даже при копировании слово в слово писцы могли писать одни и те же слова по-разному в силу диалектологических особенностей, различного исторического состояния языка или разного уровня владения книжным языком в целом. Поэтому здесь в качестве вариации учитываются только изменения на уровне лексики, синтаксиса, а также морфологии под влиянием новой синтаксической конструкции, т.е., например, случаи использования другого падежа из-за появления нового синтаксического оборота или синонимичного глагола; использования другой морфемы из-за смены нарративной стратегии (например, смена формы местоимения из-за появления нескольких героев вместо одного) и т.д. Статистику с учетом единичных морфологических изменений, появляющихся *вне* варьирующей синтаксической конструкции или нарративной стратегии (например, использование членной или полной формы прилагательного), я привожу отдельно, отражая таким образом вариацию с морфологией и без нее. Кроме того, не учитывается инверсия, если только она не является частью смены синтаксического оборота и не сопровождается лексико-грамматической вариацией⁵.

С точки зрения текстологии необходимо определить, затрагивает ли вариация отдельные списки или архетипы, к которым они восходят. Так, под обращением к ПВЛ и Н1Лмл. имеется в виду работа с их позднейшими списками: для ПВЛ – это Ипатьевский (И), Лаврентьевский (Л), Радзивилловский (Р), Московско-Академический (А), Хлебниковский (Х); для Н1Лмл. – Комиссионный (К), Толстовский (Т) и Академический (Ак). При всей близости списков каждой группы друг к другу между ними бывают разночтения [ср. подробнее в 17]. Поэтому, чтобы отличить вариацию отдельного списка от вариации между версией ПВЛ и Н1Лмл., необходимо провести текстологический анализ: если из четырех списков три совпадают ($B=C=D$), а один отличается ($A \neq BCD$) – вероятнее всего, А является индивидуальным вариантом списка,

⁴ Подобную методику использовал Д. Сёвборг при сравнении типов соотношения версий «Младшей Эдды» Снорри Стурлусона, а также «Саги об Эйрике Рыжем», отмечая: 1) текст, которого нет в одной из версий, 2) фактически разную информацию, 3) текст, который с точки зрения содержания идентичен, но на уровне языка передан иначе (*verbally different*) [16. Р. 248–249].

⁵ Инверсия сама по себе может многое сказать о возможностях варьирования порядка слов в древнерусском тексте, однако, как и орфографическая вариация, она часто встречается при копировании слово в слово и не является дифференцирующим признаком типа воспроизведения текста.

а вариант BCD был списан с протографа [18. Р. 4–6]. Таким образом, сравнение рассказа о варягах Ярослава в ПВЛ и в Н1Лмл. проходит в два этапа: сначала оценка вариации списков одной из версий, а затем сравнение между версиями. Для оценки вариации в списках ПВЛ я опиралась на И с проверкой по ЛРАХ, а для работы с Н1Лмл. — на К с проверкой по Ак и Т (при отсутствии текста в Ак). Тексты списков использовались по изданиям ПСРЛ [19].

В результате такой работы выявились объемные фрагменты, в которых текст ПВЛ по Ипатьевскому и Лаврентьевскому спискам ≠ тексту Н1Лмл. по Комиссионному и Академическому/ Толстовскому. Такие примеры дают прямой материал для анализа вариации, где одна версия начальной летописи противопоставлена другой. В случаях же, когда, например, чтение Ипатьевского списка ≠ чтению Лаврентьевского, Комиссионного и Толстовского/Академического, текст исправлялся по Лаврентьевской летописи и чтение рассматривалось как идентичное в обеих версиях. Если же все списки противоречат друг другу, в тексте оставался вариант основного списка, при этом в количественном анализе он учитывался как «идентичный текст»; другие варианты фиксировались в критическом аппарате. Такой «подготовленный» текст использовался как техническое подспорье для работы с пространной, лексико-грамматической вариацией между ПВЛ и Н1Лмл.

Анализ вариации

При сравнении фрагментов выделяется три типа соотношения текста между версиями ПВЛ и Н1Лмл.: 1) близкое копирование с минимальным уровнем вариации, 2) полное изменение текста с инкорпорированием объемного фрагмента из другого источника и высоким уровнем вариации и 3) близкое копирование при высоком уровне вариации. Рассмотрим каждый из типов в отдельности ниже.

1. Близкое копирование. Фрагменты 1 и 3: Хазарская дань (Пролог), Смерть Игоря (945).

В двух фрагментах из четырех вариация на лексико-грамматическом уровне практически отсутствует: в рассказе о хазарской дани (1) варьирует примерно 15% (около 21% с морфологией) текста, в рассказе о смерти Игоря и первой мести Ольги (3) — около 10% (около 15% с морфологией). Остальное — это идентичный текст, т.е. одни и те же словоформы, стоящие на одних и тех же местах. По этому идентичному тексту рассеяны редкие варианты, которые могут возникать из-за переписывания небольшими клаузами — такая разреженная вариация часто встречается в древнерусской рукописной традиции⁶. К подобной вариации относятся:

I. Одиночные лексические синонимы (1: обоюду остро (ИЛ) / обоямо остро (КТ); 3: роспасли (ИЛ) / расплодили (КТ)).

II. Короткие синонимичные синтаксические обороты (1: по смерти братия сея быша обидими деревляны (ИЛ) / братия сии изгибоша и быша обидими Древляны (КТ) = когда эти братья умерли + следующее действие), 3: съ маломъ же дружины (ИЛ) / с малою дружиною (КТ) = с небольшим количеством людей).

⁶ Возможность синонимии отдельных слов, инверсий, вставок малозначительных слов типа союза «и» и подобных явлений в разреженном виде Д.С. Лихачев описал как норму при копировании [20. С. 76–77].

III. Краткие добавления вспомогательных частей речи, например, союзов и предлогов (З: Ольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ (ИЛ)/ А Олга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ (КТ)). Часто такие добавления являются тоже частью синтаксической вариации, ср. знаменитое З: ркоша дружина Игореви (ИЛ) / рекоша дружина ко игореви (КТ), где варьируют предложная и беспредложная конструкции.

При близком копировании, отраженном в фрагментах (1) и (3), возможны фактические разночтения, которые могут повлечь за собой серию точечных изменений. Так, например, в Хазарском эпизоде (1) в ПВЛ хазары говорят с князем и старейшинами, а в НІЛмл. — только с князем, который затем говорит со старейшинами сам. За переменной нарративной детали следуют изменения в числе говорящих и слушающих, например, 3 мн.ч. рѣша (ИЛ) / 3 ед.ч. рече (КТ). Ср. *табл. 1*, где жирным выделены варианты, а курсивом — добавления. Особое внимание обращает на себя то, как точно распределяются изменения — они не провоцируют парафраза, синтаксической перестройки текста или инверсии.

Таблица 1.
Вариация из-за добавления детали.

ПВЛ	НІЛмл.
И несоша козарѣ къ князю своему и къ старѣишинамъ своим и рѣша имъ: «Се, налѣзохомъ дань нову». Они же рѣша имъ : «Откуда?», Они же рѣша ⁷ : «В лѣсѣ на горах, над рѣкою Днѣпрскою». Они же рѣша ⁸ : «Что суть вдалѣ ?» Они же показаша мечь.	И несоша Козаре къ князю своему и старѣишинамъ своимъ. <i>Князь же созва старѣишины своя и рече</i> имъ: «се налѣзохомъ дань нову». Онѣ же рѣша ему : «откуда». Он же рече : «в лѣсѣ на горахъ надъ рѣкою Днепрскою». Они же рѣша: «что суть далѣ ». И показа им мечь

2. Присутствие другого источника и высокий уровень вариации. Фрагмент 2: Поход Игоря на греков (941).

Кроме близкого копирования до 1015 г. текст начального летописания может также соотноситься по принципу сужения/расширения, при котором уровень вариации, наоборот, является очень высоким. Так, в рассказе о походе Игоря на греков 941 г. основную долю разночтений составляют добавления в ПВЛ из хронографических источников и Жития Василия Нового [21. С. 108–113]. В начале рассказа о походе есть идентичный текст с единичными морфологическими вариантами, куда могут включаться одиночные добавления. Далее в ПВЛ следует обширный фрагмент, внутри которого находятся параллельные места с версией НІЛмл., но нет никаких текстуальных совпадений. В ПВЛ разночтения занимают 84% (87% с морфологией) текста и в НІЛмл. — 63% (66% с морфологией). Ср. *табл. 2*, где добавления отмечены курсивом, вариация — жирным.

Фабула истории частично сохраняется при соотношении сжатия/расширения: 5) Феофан поджигает войско чередой огненных залпов, 6) русь отступает домой и 7) Игорь собирает новое войско. Интересно, что в двух из трех мотивов параллельно не только содержание, но схожа и структура фразы на лексико-синтаксическом уровне. При этом как минимум одно слово остается неизменным ядром, а другие меняются на лексические или контекстные синонимы. Так, в основе (5) «₁и ₂нача пущати ₃огнь трубами ₂на ₄лодь ₅русскыя» (ИЛ) / «₁и ₃огненымъ строимъ ₂пожьже ₄корабля ₅русскыя» (КТ) лежит синонимичная цепочка: ₁и + ₂глагол для

⁷ И рѣша имъ, испр. по Л.

⁸ И ркоша, испр. по Л.

ПВЛ	НІЛмл.
... и изъламляху опаки руци связавше, и гвозды желъзны посредѣ головъ въбивахуть има⁹. Много же и святыхъ церквий огневи предаша, 1) и имъньне немало обою сторону взяша. 2) Потомъ же пришедшемъ воемъ от вѣстока, Панфиръ деместникъ съ четырмидесятъ тысящъ, Фока же патрикий съ македоны, Феодоръ же стратилать съ фракы, и с ними же и сановницы боярьсти, обидоша русь около. 3) И свъщаша русь, и изидоша противу, въоружившеся на грѣкы, и брани межю има бывши злѣ, одва одолѣша грѣци. 4) Руть же възвратишася къ дружинѣ своей къ вечеру и, на ночь влѣзше въ лодыя, отбѣгоша. 5) Феофанъ же усрѣте я въ олядѣхъ съ огнемъ, и нача пущати огнь трубами на лодыя рускыя. И бысть видѣти страшно чюдо. 6) Руть же, видяще пламень, вмѣтахуся въ воду морьскую, хотяще убрѣсти, и такъ прочии възвратишася въ своя. 7) Тъмъже пришедшимъ в землю свою, повѣдаху кождо своимъ о бывшемъ и олядѣнѣмъ огни: «Якоже молоныя, — рече, иже на небесихъ, грѣци имуть в себе, и сию пущающе, жѣжаху насъ, и сего ради не одолѣхом имѣ». 8) Игорь же, пришедъ, и нача съвокупляти¹⁰ вои многы, и посла по варягы за море, вабя и на грѣкы, паки хотя пойти на ня.	... изъломаше опаки руцѣ и связающе, гвозды желъзны посрѣде главъ въбивающе; и многы церкви огневи предаша. 5) Въ время же то царствующю во градѣ Роману, и абие посла Романъ цесарь патрикия Феофана съ вои на Русь, и огненнымъ строємъ пожъже корабля рускыя. 6) И възвратишася Русь въ своя. 8) Том же лѣтъ препочиша и другое, на третье идоша.

действия с огненными залпами «нача пущати на»/ «пожъже» + ₃словосочетание для серии огненных залпов «огнь трубами»/ «огненным строємъ» + ₄объект: сущ. судно «лодыя»/ «корабля» + ₅определение: рускыя. Ср. также в (6) «₁Русь ₂же [...] ₃възвратишася ₄въ своя си» (ИЛ) / «₂И ₃възвратишася ₁Русь ₄въ своя (КТ)»: ₁Русь + ₂связка «же» / «и» + ₃възвратишася + ₄домой «въ своя си»/ «въ своя». Таким образом, здесь при соотношении сжатия/расширения основа сохраняется, но в форме параллельных на лексико-синтаксическом уровне фраз. Идентичного же текста в фрагменте, где появляется дополнительный источник, совсем нет.

3. «Сказать почти то же самое». Фрагмент 4: Ярослав и новгородцы (1015–1016 гг.).

Соотношение версий в рассказе о Ярославе и новгородцах имеет черты как близкого копирования (1, 3), так и стратегии сужения/расширения текста (2). С одной стороны, здесь присутствует основа из идентичного текста. С другой — здесь много примеров лексико-грамматически и синтаксически подобных, параллельных фраз, как в примере о походе Игоря, а также высок процент вариации: 72% в ПВЛ (около 73% с морфологией) и 67% в НІЛмл. (около 68% с морфологией). Расхождения между версиями с учетом того, в каком контексте появляются изменения и в какой форме, схематично можно сгруппировать сообразно характерным чертам изменений. Для удобства комментария фрагмент разделен на небольшие части внутри *табл. 3*, где курсивом

⁹Л ихъ, РАХ имъ/имъ.

¹⁰И съвокупити, испр. по ЛРАХ.

отмечены добавления в одном из текстов, обычным шрифтом — идентичный текст, жирным — вариация, подчеркиванием — различная информация. Под таблицей приводятся параллельные места рассказа («остов»), где жирным выделяется идентичный текст (без учета инверсии).

Таблица 3

№	ПВЛ	НІЛмл.
1	<i>Ярославу же не вѣдую отни смерти, варязи бяху мнози у Ярослава и насилье творяху новгородцемъ. И, выставше¹¹ новгородци¹² избйша варягы въ дворѣ Поромони¹³.</i>	<i>Бысть съца у Любца, и одолѣ Ярославъ; а Святополкъ бѣжа в Ляхы. В Новѣгородѣ же тогда Ярославъ кормяше Варягъ много, бояся рати; и начаша Варязи насилье дѣяти на мужатых женахъ. Ркоша новгородци: «сего мы насилья не можемъ смотрити»; и собрашася в ношѣ, и съкоша Варягы в Поромонѣ дворѣ;</i>
2	<i>И разгнѣвася Ярославъ и, шедъ на рокѣмъ, и сѣде въ дворѣ. И пославъ к новгородцемъ рече¹⁴: «Уже мнѣ сихъ не крѣсити». И позва к собѣ нарочитая мужа, иже бяху исьсѣкли варягы¹⁵, и облытивъ¹⁶ я исьче¹⁷.</i>	<i>Ярославъ же в ту ношѣ на Ракомѣ бѣше¹⁸. И се слышавъ, Ярославъ¹⁹ разгнѣвася на гражаны, и собра вои славны тысящу, и, облытивъ я²⁰, исьче, иже бяху Варягы ти иськлъ; а друзии бѣжаша изъ града.</i>
3	<i>В ту же ношѣ приде ему вѣсть ис Кыева от сестры его Передьславы: «Отецъ ти умерлъ, а Святополкъ съидитъ в Кieveвъ, убивъ²¹ Бориса, а на²² Глѣба посла²³, а ты блюди сего повелику».</i>	<i>И в ту же ношѣ ис Кыева сестра Ярослава Предьслава присла к нему вѣсть, рекши: «отецъ ти умерлъ, а братья ти избйена».</i>
4	<i>И се слышавъ, Ярославъ печаленъ бысть по отци, и по брату, и о друзинѣ. Заутра же собравъ избытокъ новгородцевъ, и рече Ярославъ: «О, любя моя дружина²⁴, юже избихъ вчера, а нынѣ быша надобѣ». И утре слезъ и рече имъ на вѣчѣ: «Отецъ мой умерлъ²⁵, а Святополкъ съидитъ в Кieveвъ, избивая братью свою». И рѣша новгородцы: «Аще, княже, братья наша исьчена²⁶ суть, можемъ по тобѣ бороти».</i>	<i>И се слышавъ, Ярославъ заутра собра новгородцовъ избытокъ, и сътвори вѣче на полѣ, и рече к ним: «люба²⁷ моя²⁸ дружина, юже²⁹ иськохъ вчера въ безумии моемъ, не топѣрво ми ихъ златомъ окупитѣ». И рече имъ³⁰: «братѣе, отецъ мой Володимиръ умерлъ есть, а Святополкъ княжитъ в Кieveвъ; хоцю на него поити; потягнете по мнѣ». И рѣша ему новгородци: «а мы, княже, по тобѣ идемъ».</i>
5	<i>И собра Ярославъ варягъ тысящу, а прочихъ вой 40 тысящъ и поиде на Святополка, нарекъ Бога, рекъ: «Не азъ почохъ избивати³¹</i>	<i>И собра вои 4000: Варягъ бѣшетъ тысяща, а новгородцовъ 3000; и поиде на нь.</i>

¹¹ Л и женамъ ихъ, выставше.

¹² И выставше на нь новгородцы, испр. по ЛРАХ.

¹³ И пних, испр. по ЛРАХ.

¹⁴ И и рече, испр. по ЛРАХ.

¹⁵ И варяги, испр. по ЛРАКАкт.

¹⁶ И облысти, испр. по ЛРАКАкт.

¹⁷ И я сице исьче их 1000, испр. по ЛРАХКАкт.

¹⁸ К а князю Ярославу тогда в ту ношѣ сущу на Ракомѣ. Испр. по Акт.

¹⁹ К князь Ярославъ, испр. по ИЛАкт

²⁰ К ихъ, испр. по ИЛАкт.

²¹ И пославъ уби, испр. по ЛРАХ.

²² Х и по, испр. по ЛА.

²³ ИР и Глеба, испр. по ЛАХ.

²⁴ И любимая дружино, испр. по ЛХКАкт.

²⁵ [О, любя моя дружина - на вѣчѣ] о любя моя дружина юже вчера избихъ. на вѣчи. оѣ мои оумерлъ. Л

²⁶ И исьченъ, испр. по ЛРАХ.

²⁷ К любимая, испр. по Акт.

²⁸ К и честная, испр. по Акт.

²⁹ К юже вы, испр. по Акт.

³⁰ К и рече, испр. по Акт.

³¹ И избивать, испр. по ЛРАХ.

братью, но онъ; да будетъ Богъ отмѣстникъ
крови брату моему, зане безъ вины прольа кровь
Борисову и Гльбову праведною. Еда и мнѣ си
же створить? Но суди ми, Господи, по прав-
дѣ, да скончается злоба грѣшнаго». И поиде
на Святополка.

Слышавъ же се Святополкъ идуща Ярослава
и пристрои бе-щисла вой — руси и печенѣгъ —
и изиде противу Любчу об онъ полъ Днѣпра,
а Ярославъ объ сю³².

Святополкъ же то слышавъ, и собра бе-щисла
множество вой, изиде противу его къ Любчу,
и сѣде ту на полѣ со множествомъ вой.

Остов:

Ярослав имел варягов в большом числе (*варязи бяху мнози у Ярослава / Ярослава кормяше варягъ много*). Варяги совершали насилие (*насилъе творяху / начаша насилие дѣяти*) над новгородцами (*новгородъцемъ И; новгородъцемъ и женамъ ихъ Л / в Новѣгородѣ [...](на мужатыхъ женахъ)*). Новгородцы собрались (*въставша на нь/ собрашася в ночь*), убили варягов (*избиша варягы / иськоша варягы*) во дворе Поромони. И Ярослав разгневался и собрал (*позва к собѣ / собра*) важных людей (*нарочитая мужа... / вой славны*), которые убили варягов, и убил их, обольстив.

Той же ночью Ярослав получил вѣсть от сестры Предславы из Киева (*приде ему вѣсть ис Киева от сестры его Передьславы / ис Киева сестра Ярослава Предслава присла к нему вѣсть*): «Отец твой умер, а... (кто-то из братьев убит) (*«убивъ Бориса, а на Гльба посла / братья ти избиена»*). И, услышав об этом, Ярослав утром собрал (*собравъ/собрал*) оставшихся новгородцев, и сказал: «Любимая дружина, которую вчера убил (*избихъ / иськохъ*) — не вернуть уже (*а нынѣ быша надобѣ / не топѣрво ми ихъ златомъ окупитъ*)». И сказал им: «Мой отец умер, а Святополкъ занял престол (*сѣдитъ / княжитъ*) в Киеве». И новгородцы сказали: «[...] княже [...] (соглашаются пойти) (*можемъ по тобѣ бороти / а мы... по тобѣ идемъ*)». И собрал войско, и пошел на Святополка (*Святополка / нь*). Услышав о том (*се/то*), Святополкъ стянул (*пристрои / собра*) большое войско, пошел к Любечу.

Изменения:

1) *Сложный vs простой синтаксис*. В основе вариации в открывающем фрагменте (табл. 3, № 1) лежит выбор различных синтаксических конструкций, при чем в ПВЛ отдается предпочтение более сложным, книжным оборотам. Рассказ о конфликте Ярослава и новгородцев в обеих версиях начинается с объяснения, почему в Новгороде было много варягов: в Н1Лмл. отмечается, что Ярослав боялся битвы (*Ярославъ кормяше Варягъ много, бояся рати*), а в ПВЛ — что Ярослав не знал о смерти отца (*Ярославу же не вѣдущю отни смерти*). Выбор дательного самостоятельного оборота в варианте ПВЛ, вероятно, провоцирует и выбор синтаксиса в главном предложении — в «канонических» случаях употребления дательного самостоятельного субъекта оборота обычно не совпадает в субъектом основной предикации [2. С. 337]; именно это правило соблюдается в ПВЛ, где субъектом оборота становится Ярослав, а на роль субъекта в основном предложении выбираются варяги (*Ярославу же не вѣдущю отни смерти, варязи бяху мнози у Ярослава и насилъе творяху новгородъцемъ*). В Н1Лмл. этой книжной конструкции соответствует два простых предложения, где позицию субъекта поочередно занимают сначала Ярослав, затем варяги (*Ярославъ кормяше Варягъ много, бояся рати, и начаша Варязи*

³² И обсюду, испр. по ЛРАХ.

насилие дѣяти на мужатых женахъ). При этом, выбор другой синтаксической стратегии сопровождается лексико-синтаксическим параллелизмом, где часть слов остается неизменной, а часть заменяется на синонимичные эквиваленты. Ср. «₁и ₂насилие ₃творяху ₄новгородьцемъ» (И) («новгородьцемъ и женамъ ихъ» (Л)) / «₁и ₂значаща Варязи ₃насилие ₄дѣяти ₅на мужатых женахъ» (Н1Лмл.), где сохраняется конструкция: ₁и + ₂насилие + ₃глагол в значении «делать» («творити» / «начаща дѣяти») + ₄дополнение-объект насилия.

Похожее предпочтение книжного причастного синтаксиса в ПВЛ встречается в следующей фразе об убийстве варягов — последовательности из двух аористов («и собращася в ночь, иськоша Варягы» (Н1Лмл.)) в ПВЛ соответствует конструкция с причастным оборотом («вставше новгородцы избиша варягы»). Снова смену синтаксиса сопровождает лексико-синтаксический параллелизм, ср. «₁И ₂вставша ₃новгородцы ₄избиша ₅варягы» / «₃новгородцы [...] ₁и ₂собращася в ночь, ₄иськоша ₅Варягы»: ₁и + ₂глагол/деепричастие со значением общего движения + ₃новгородцы + ₄глагол со значением «убивать» с приставкой «ис(з)-» + ₅варяги. Составитель ПВЛ остается верен конструкциям с причастным оборотом и дальше, ср. фрагмент табл. 3, № 4, где двум конструкциям «причастие + аорист» в ПВЛ (се слышавъ... печалень бысть... собравъ избытокъ новгородцевъ... рече) соответствует одно причастие и цепочка из аористов в Н1Лмл. (се слышавъ... собра... и сътвори... и рече). В целом, возникает впечатление большей синтаксической простоты в Н1Лмл.³³.

2) Установка на прояснение и связность vs её отсутствие. Примечательно также же само объяснение появления варягов в Новгороде, так как оно дает увидеть разные нарративные установки рассказчиков ПВЛ и Н1Лмл. при сообщении очень похожей информации. В ПВЛ сделана попытка сделать хронологию происходящего как можно более ясной. Указание на незнание о смерти Владимира возвращает читателя/слушателя к более раннему эпизоду, когда Владимир собирался идти на Ярослава, т.е. к моменту конфликта между варягами и новгородцами Ярослав еще не знал о зловещей роли Святополка и боялся только отца. В Н1Лмл. же деталь «бояся рати» прямо не мотивируется, что создает возможность для иной трактовки: уже говорилось о смерти Владимира, убийстве Бориса и Глеба, а также о занятии Киева Святополком, поэтому из логики повествования скорее следует, что Ярослав боялся столкновения со Святополком, а не с Владимиром. Однако, позже становится ясно, что Ярослав узнал о смерти отца и всех остальных переменах, только перебив дружину. Значит, варианты Н1Лмл. и ПВЛ равнозначны (имеется в виду Владимир) — однако, в Н1Лмл. сказано об этом с намного меньшей «заботой» со стороны повествователя. Схожая черта обоих рассказчиков проявляется и дальше (табл. 3, № 3). Так, составитель ПВЛ попытался сопоставить новое сообщение Предславы с уже известным ему сообщением Предславы, благодаря которому Ярослав предупредил Глеба об опасности. Тем самым снова заметна попытка наладить связность — указать, что действие происходит параллельно с убийством Глеба («убивъ Бориса, а на Гльба посла»). Составитель же Н1Лмл. ничего подобного не сделал, лишь отметил, что два брата убиты («а братья ти избиена»). Если имеются в виду Борис и Глеб, то это не сочетается с упомянутым эпизодом о предупреждении Глеба. Даже если,

³³ Схожим примером, возможно, является также разночтение в табл. 5, № 3, где по-разному вводится сообщение от Предславы: в Н1Лмл. субъектом фразы является Предслава («сестра Ярославля Предслава присла к нему вѣсть»), а в ПВЛ — вѣсть («приде ему вѣсть ис Киева от сестры его Передславы»). Однако столь четкого регистрового контраста, какой вносят употребления причастных оборотов, у этих разночтений нет.

как предположил П.В. Лукин, имеются в виду Борис и Святослав [10. С. 10], то все равно рассказчик Н1Лмл. не сделал ничего для того, чтобы это стало ясно — в отличие от составителя ПВЛ.

3) *Фактические изменения и текст вокруг них.* Кроме синтаксических и нарративных изменений в версиях присутствуют также фактические разночтения, на которые не раз уже обращали внимания. Следует, однако, взглянуть также на то, какими изменениями в окружающем тексте эти разночтения сопровождаются. С одной стороны, их может почти не быть, ср. разное количество воинов в войске Ярослава в *табл. 3, № 5*, которое происходит внутри «остова» из идентичного текста («**И собра Ярославъ варягъ тысящю, а прочихъ вой 40 тысящъ и поиде на Святополка**» / «**И собра вои 4000: Варягъ башеть тысяща, а новгородцовъ 3000; и поиде на нь**»).

С другой стороны, фактическое изменение могло инициировать новую интерпретацию повествования, способную привести к включению в рассказ дополнительных деталей без нарушения «остова» текста. Ср. известное расхождение «Ракомо / на рокомъ» в *табл. 3, № 2*: в Н1Лмл. Ярослав находился в селе Ракомо, под Новгородом, там узнал о столкновении между варягами и новгородцами, в гневе собрал часть новгородцев и убил их; в то же время в ПВЛ Ярослав сначала разгневался, уехал в некий Раком и там убил новгородцев. Представляется справедливым предположение А.А. Шахматова, что имеется в виду не Раком, а «нарокомъ», т.е. Ярослав едет куда-то «с умыслом» [12. С. 133 (пар. 123)]. Это изменение обычно трактуется как свидетельство вторичности ПВЛ, составитель которой, скорее всего, не знал новгородского топонима «Ракомо». Однако, вслед за деталью об «умысле» Ярослава появляется микро-сюжет о призыве новгородцев фразой «Уже мне сих не кресити». Это речение встречалось в начальной летописи в контексте хитрости княгини Ольги, которая таким образом обратилась к послам древлянского князя Мала, лишь делая вид, что принимает предложение выйти за него замуж [10. С. 9]. Возможно, появившаяся ассоциативно, эта деталь с одной стороны объясняла, почему новгородцы приходят к Ярославу, а с другой — связывала ситуацию с уже имевшей место ранее, тем самым предупреждая читателя/слушателя о хитрости, обмане Ярослава. Здесь снова проявилось желание рассказчика в ПВЛ сделать повествование более связным и понятным, включить его в контекст того, о чем в летописи уже говорилось ранее.

3.1) *Фактические изменения при соблюдении параллелизма формулировок.* Кроме того, фактические или содержательные изменения может сопровождать лексико-грамматический, синтаксический или же риторический параллелизм. Например, исследователями было отмечено, что в рассказе ПВЛ не встречаются не только новгородские топонимы, но и новгородские термины. Так, «на-рочитые мужи» в ПВЛ являются более общим названием, чем «вои славны» в Н1Лмл., что, как предположил П.В. Лукин, может быть названием конкретной части дружины [10. С. 15; ср. также 7. С. 246]. Однако, даже расходясь в терминологии, версии сохраняют лексико-синтаксический параллелизм. Так, в основе фрагмента «₁И ₂позва к собѣ ₃нарочитая мужа» / «₁и ₂собра ₃вои славны» (*табл. 3, № 2*) лежит конструкция: ₁и + ₂глагол со значением «призывать» + ₃дополнение-объект (сущ. «мужчина» + прил. «знаменитый»).

Параллелизм соблюдается также при содержательных изменениях в обращении Ярослава к новгородцам. В обеих версиях его прямая речь имеет идентичный каркас, в котором, однако, меняется конечный элемент (*табл. 3, № 4*): любя моя дружина, юже избихъ/исѣкохъ вчера + **а нынѣ быша надобѣ** (ПВЛ)/

не тогѣрво ми ихъ златомъ окупити (Н1Лмл.). Финал высказывания Ярослава заметно отличается, здесь нет ни одного лексического соответствия, ни дословного, ни синонимического. Однако, с риторической точки зрения финалы очень близки: риторическому восклицанию в ПВЛ, где Ярослав сокрушается о своей неудаче («убил дружину, а она понадобилась!»), в Н1Лмл. соответствует вариант формульного речения («убил дружину, золотом мне ее сейчас не возместить»), которое, как показали А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский, в древнерусских повествовательных текстах являлось практически пословичным, ср. реконструкцию исследователей: «дружина добудет князю золото, а золотом не добыть дружины» [22. С. 49–50]. Таким образом, в обоих случаях Ярослав начал обращение к новгородцам с построения, не требующего от адресатов прямого ответа — с восклицания или с пословицы. Любопытно также наблюдение исследователей, что речение в версии Н1Лмл. близко древнескандинавской формуле отплаты правителю за щедрость, где также присутствует глагол с семантикой возмещения (др.-исл. *launa*, ср. «окупити»). В таком случае в Н1Лмл. может отражаться «более ранний этап русско-варяжского языкового взаимодействия, когда для перевода скандинавской по происхождению формулы еще не было выработано устоявшегося, регулярно используемого аналога» [22. С. 50]. Эту деталь языкового облика рассказчика в Н1Лмл. следует дополнить наблюдением П.В. Лукина о том, что при передаче названия места, где жили варяги (на «дворѣ Поромони/ Поромонѣ дворѣ»), в Н1Лмл. сохраняется более близкий к древнесеверному оригиналу порядок слов, ср. др.-исл. *farmanna garðr*/ на Поромонѣ дворѣ (*табл. 3, № 1*) [10. С. 13]. В таком случае русско-варяжские и новгородские языковые реалии в ПВЛ не считаются и заменяются на более ясные составителю формулировки, однако, важно, что при этом сохраняется их окружение: риторическая структура речи или лексико-синтаксическая форма фразы.

Продолжение обращения Ярослава и ответ новгородцев в соотношении версий ПВЛ и Н1Лмл. также являются риторически параллельными (*табл. 3, № 4*): версии объединяет общий «остов» не только из идентичного текста, но и из диалогической структуры, где в ответе повторяется часть реплики Ярослава. Так, в ПВЛ Ярослав рассказал о своих убитых братьях, на что новгородцы напоминают ему об убитых братьях в их рядах: «Святополкъ съдитъ в Киевѣ избивая братью свою [...] — Аще, княже, братья наша исьчень суть». В свою очередь, в Н1Лмл. Ярослав предложил новгородцам идти с ним на Святополка и они согласились идти: «Святополкъ княжить в Киевѣ; хоцю на него поити [...] — А мы, княже, по тобѣ идемъ».

4) *Распространение текста.* Наконец, в окончании эпизода в ПВЛ появляется большой фрагмент, близкий к «Паремийным чтениям о Борисе и Глебе». По мнению К. Цукермана, это вставка из «Паремийных чтений», появившаяся в ПВЛ и повлекшая за собой большинство изменений, которые в интерпретации ученого вышли довольно механическими [7. С. 243–245, 254–256]. Такая трактовка представляется спорной, ср. убедительный разбор А.А. Гиппиуса, по мнению которого, наоборот, текст, отраженный в ПВЛ, является первичным по отношению к «Паремийным чтениям», т.е. молитва Ярослава попала из ПВЛ в перемию, а не наоборот [13. С. 48–49, 60] (ср. также анализ последующих параллелей между паремией и летописью). Однако, в таком случае причиной появления формы пересказа в ПВЛ должно быть что-то другое. Мое предположение см. ниже.

Подведем промежуточные выводы. Очевидно, что рассказ о Ярославе, варягах и новгородцах отличается по форме соотношения между ПВЛ и Н1Лмл. от других фрагментов начальной летописи, рассмотренных выше. Здесь речь

идет не о близком копировании с абсолютным превалированием идентичного текста и не о соотношении сжатия/расширения, при котором идентичный текст может вообще исчезнуть, а о третьем варианте, когда идентичный текст формирует «остов», внутри которого происходят изменения. В анализируемом эпизоде такой «остов» особенно четко проявляется в фрагментах *табл. 3, 4–5* (ср. также выкладку «Остов» после таблицы): здесь идентичный текст работает как каркас, а нарративные изменения вносятся за счет дополнений или лексико-синтаксических/риторических эквивалентов. «Остов» из идентичного текста может быть подвержен синтаксической перестройке — в таком случае версии остова соотносятся по принципу лексико-синтаксического параллелизма, ср. фрагменты в *табл. 3, 1–3*, где наполнение фразы остается тем же, однако выбор другой синтаксической конструкции требует перестройки ее части. В целом, при всех различиях предпочтений рассказчиков ПВЛ и НЛмл., которые были показаны выше, видно, что между их версиями сохраняется очень четкая общая структура, состоящая из каркаса идентичного текста, параллельных фраз, а также эквивалентных формулировок. Создается впечатление, что эта общая основа обладает особенной ценностью для составителя летописного текста — даже меняя что-то, ее нужно было постараться сохранить.

*Параллелизм при трансмиссии других историографических текстов:
«Круг Земной»*

Схожее отношение к тексту предшественника прослеживается в другой средневековой историографической традиции на родном языке — в соотношении древнеисландского свода королевских саг «Круг Земной» Снорри Стурлусона и его источников. Хотя по многим параметрам ПВЛ и «Круг земной» являются текстами очень разного порядка (хотя бы потому, что последний обладает большей законченностью, чем летопись, которая могла продолжаться), стоит учесть, что это повествовательная историография одного периода (XI–XIII вв.) на родном языке, что противопоставляет ПВЛ и «Круг Земной» латинскому историописанию Европы того же времени и роднит разве что с английской историографией³⁴. В целом, точек схождения, по которым «Круг Земной» и ПВЛ можно было бы сравнивать как памятники средневековой письменности сами по себе, не так уж много. Представляется, что работа с письменными оригинальными источниками предшественников может быть одной из таких точек.

«Круг Земной», свод саг о норвежских конунгах (*Heimskringla*, ca. 1220–1230, в сокращениях Нкг.), опирается на предшествующую письменную традицию королевских саг, ярко расцветшую в конце XII — начале XIII в. [25. Р. 221]. Компендиум Снорри может служить удобным фоном для ПВЛ, так как происхождение многих его фрагментов исследователям известно — в отличие от ситуации с ПВЛ, предшествующие своды которой мы можем только реконструировать, многие источники Снорри до нас дошли³⁵. В целях сравнительного анализа с ПВЛ обратимся только к паре эпизодов, которые целиком или частично основываются на одном из первых сочинений древнескандинавской историографии,

³⁴ Подобные опыты сравнения уже предпринимались, ср. анализ Е.А. Мельниковой, которая заметила сходство в композиции, нарративе и фигуре составителя в ранней части ПВЛ и в «Саге об Инглингах», открывающей «Круг Земной» [23]. Сравнению английского историописания и древнерусского летописания посвящена монография Т.В. Гимона [24].

³⁵ Наиболее подробными исследованиями источников «Круга Земного» являются работа Густава Storma и введение и комментарий Бьярни Адальбьярнарсона к изданию *Íslenzk Fornrit* [26–27]. В поиске источников «Круга Земного» мы опираемся на их выводы.

принадлежащему к категории так называемых «норвежских синопсисов» — «Обзору саг о норвежских конунгах» (*Ágrip af nóregskonungasögum*, ca. 1190).

При трансмиссии в «Круг Земной» «Обзор» может как копироваться точно, так и пересказываться. Примером первого типа воспроизведения текста будет рассказ о Харальде Прекрасноволосом и лапландской принцессе Сньофрид, который Снорри копирует из «Обзора» с минимальными изменениями [27. Bls. lix]. Ср. фрагмент этой истории в *табл. 4*, где вариация отмечена жирным шрифтом, добавления — курсивом, инверсия — пунктиром. Здесь в идентичный текст могут вставляться отдельные слова (особенно союзы) или небольшие синтагмы, которые не меняют структуры фразы; иногда появляется инверсия, а также отдельные лексемы могут заменяться на синонимичные. Этот тип копирования очень схож с близким копированием, которое обнаруживается при сравнении большинства фрагментов в ПВЛ и Н1Лмл.. Количественный уровень вариации здесь также низкий: 26% в «Обзоре» и около 30% в «Круге Земном» (в цифрах здесь и далее указываем результаты анализа всего фрагмента и сразу с учетом единичных морфологических изменений)³⁶.

Таблица 4.

Снорри Стурлусон и близкое копирование

Ágrip ³⁷ , Ch. 4–5, P. 6	Hkr. ³⁸ , Kap. 24, S.134
Syrðði hann hana dauða, en landslýðr allr syrðði hann villtan. En þessa villu at lægja kom til læknanar Þorleif<r> spaki, er með viti lægði þá villu ok með eftirmæli með þessum hætti: ‘Eigi er, konungr, kynligt, attu munir svá fríða konu ok kynstóra, ok tígnir hana á dúni ok á guðvefi sem hón bað þik. En tígn þín er þó minni en hæfir — ok hennar — í því at hón liggir of lengi í sama fatnaði. Er myklu sannligra at hón sé hrærd. Горевал он о ее смерти, а люди в стране горевали о том, что он помешался. От этого помешательства излечить [конунга] пришел Торлейв Умный, который с мудростью ухаживал это помешательство и с уговорами следующим образом: — Не удивительно, конунг, что ты любишь такую красивую и благородную жену и чтешь ее тем, что она лежит на пуху и драгоценных тканях, как она тебя просила, но твоя честь — а также и ее — терпят урон от того, что она лежит слишком долго в том же самом одеянии. Не благоразумнее ли было бы ее приподнять?	Fór svá fram iii. vetr, at hann syrðði hana dauða, en allr landzlýðr syrðði hann viltan; en þessa villu at lægja kom til læknar³⁹ Þorleifr spaki, er með viti lægði þá villu fyrst með eftirmæli með þessum hætti: eigi er, konungr, kynligt, at þú munir svá fríða konu ok kynstóra ok tígnir hana á dúni ok á guðvefi, sem hon bað þik, en tígn þín er þó minni, en hæfir, ok hennar í því, at hon liggir ofrlengi í sama fatnaði, ok er miklu sannnara⁴⁰, at hon sé hrærd, ok sé skipt undir henni klæðum. Так прошло три зимы, что он горевал о ее смерти, а люди в стране горевали о том, что он помешался. От этого помешательства излечить [конунга] пришел Торлейв Умный, который с мудростью ухаживал это помешательство сразу с уговорами следующим образом: — Не удивительно, конунг, что ты любишь такую красивую и благородную жену и чтешь ее тем, что она лежит на пуху и драгоценных тканях, как она тебя просила, но твоя честь — а также и ее — терпят урон от того, что она лежит слишком долго в том же самом одеянии, а не лучше ли было бы ее приподнять и переменить под ней одеяния?

Однако, в других фрагментах «Обзор» копируется иначе, по принципу, близкому к соотношению ПВЛ и Н1Лмл. в рассказе о Ярославле и новгородцах, когда есть «остов» из идентичного текста и включенная в него лексико-синтаксическая, часто параллельная вариация. Таким является, например, рассказ о смерти ярла Хакона Сигурдссона в «Саге об Олаве Трюгвасоне». Согласно

³⁶ Перевод здесь и далее дается на основе существующих переводов выбранных фрагментов «Круга Земного» (М.И. Стеблин-Каменский) и «Обзора» (С.Ю. Агишев), с моей правкой в сторону буквального соответствия оригиналу для удобства слежения за вариацией.

³⁷ Здесь и далее «Обзор» цит. по [28].

³⁸ Здесь и далее «Круг Земной» цит. по [29].

³⁹ К. В другом списке чтение, однако, совпадает: J1 læknanar (Hkr., S.134).

⁴⁰ К. Чтение в других списках совпадает: F, J1 sannligra (Hkr., S. 134).

изложению Снорри, Ярл Хакон прибыл в Гаулардаль и послал рабов привести ему жену Орма Люргии, Гудрун Солнце Лундара. Оорм воспротивился и разослал ратную стрелу по долине, которая уже и так была недовольна ярлом из-за схожего эпизода с женой некоего Брюньольва. Ярл узнал о восстании, попытался бежать со всем войском, но затем отделился от него, мотивируя это желанием защитить своих людей: «Никто на вас не нападет, если меня не будет поблизости»⁴¹. Хакон остался со своим рабом Карком, утопил в реке Гауль коня, оставил плащ и затем они вдвоем спрятались в пещере. Там Карку приснились два сна, которые ярл воспринял как знак о смерти его сына и о будущей смерти его самого. После этого Хакон ярл и Карк спрятались в яме в свинарнике у любовницы Хакона, Торы из Римуля. Вскоре туда прибыл Олав Трюггвасон и пообещал награду убийце ярла Хакона, после чего Карк увидел сон о награде от Олава (гривна) и в одну из ночей заколол Хакона, испугавшись его беспокойного сна. После этого он принес голову Хакона Олаву, а тот распорядился отрубить голову Карку.

Этот рассказ встречается во всех трех известных исследователям «норвежских синопсисах» — «*Historia de antiquitate regum Norwagiensium*» Теодорика Монаха, «*Historia Norwegiae*» и «Обзоре» —, а также в версиях «Саги об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда (*ÓTODds*). По текстуальным пересечениям видно, что Снорри опирался на источники на древнесеверном языке, а не на латыни — в основном, на «Обзор», но иногда и на *ÓTODds* [26. S. 141–142; 27. C. Bls. cxiv–cxvi.]. Оттуда заимствуется «остов», в который вносятся изменения — либо синонимические, либо содержательные. Уровень вариации в фрагменте, где Снорри опирался практически только на «Обзор» достаточно высокий (64% в «Обзоре», 84% в «Круге Земном»; от «*Hákon jarl var á veizlu*» (Hkr., Kap. 48, S. 348¹¹) до «*Hon gerði svá ok fagnar vel jarli*» (Hkr., Kap. 48, S. 351³). Частично высокая доля вариации связана с распространением текста в «Круге Земном» (ср. схожую ситуацию в примере о походе князя Игоря 941 г. выше). Однако, во фрагментах, где Снорри опирался именно на «Обзор», он его очевидно пересказал, используя технику, рассмотренную на летописном примере 1015–1016 гг.. См. табл. 5 и пояснения к ней; вариация отмечена жирным шрифтом, добавления — курсивом, идентичный текст — обычным шрифтом. Под таблицей дан «остов» из параллельных мест, где идентичный текст в переводе выделен жирным шрифтом.

Остов:

Таблица 5

Ágrip, Ch. 13, P. 22	Hkr., Kap. 48, S. 348
ok gerði hann af Meðalhúsum þræla sína at taka hana ok flytja sér til ósæmdar. En meðan þrælarnir mötuðusk, þá hafði hón svá liði safnat at þá var eigi kostur at flytja hana, ok sendi hón þá orð Hökoni jarli at hón mundi eigi á hans fund soekja, nema hann sendi konu þá er hann hafði er Þóra hét á Remoli.	Jarl sendi þræla sína til Orms þeirra örenda, at hafa Guðrúnu, konu Orms, til jarls. Þrælar báru upp örendi sín; Ormr bað þá fyrst fara til náttverðar, en áðr þrælar höfðu matazk, þá vǫru komnir til Orms margir menn ór bygðinni, er hann hafði orð sent. Lét Ormr þá engan kost, at Guðrún færi með þrælunum. Guðrún mælti, bað þræla svá segja jarli, at hon myndi eigi til hans koma, nema hann sendi eptir henni Þóru af Rimul.

⁴¹ «[...] engi maðr mun yðr mein gera, ef ek em hvergi í nánd» (Hkr., Kap. 48, S. 350). Пер. М.И. Стеблин-Каменского.

Ágrip, Ch. 13, P. 22	Hkr., Kap. 48, S. 348
(1) <i>и</i> (2) отослал он с Медальхуса рабов своих (3) захватить ее и привезти к себе для всяких непо- требств. Но (4) пока рабы (4) ели , тогда (5) <u>собрала</u> она такое множество людей, что тогда (6) не было никакой возможности (7) захватить ее , (8) <i>и</i> (9) по- слала она тогда сообщение Хакону ярлу, что она не (10) встретится с ним , пока он не пришлет <i>жен- щину ту, которая у него была</i> , (11) которую звали Тора из Римуля.	(1)(2) Ярл послал рабов своих к Орму с поручением (3) привести Гудрун, жену Орма , (3) к ярлу. Рабы доложили Орму о поручении, с которым они при- шли. Орм пригласил их сначала поужинать. Но (4) прежде чем рабы (4) успели поесть , тогда (5) <u>к Орму</u> <u>пришло из округа много людей, которым он дал</u> <u>знать.</u> Орм сказал тогда [что] (6) нет никакой воз- можности, (7) что Гудрун пойдет с ними. (8)(9) Гудрун сказала , попросила передать ярлу, что она не (10) пойдет к нему, пока он не пришлет за ней (11) Тору из Римуля.

Ярл послал (*gerði hann/ Jarl sendi*) **рабов своих** привести Гудрун к ярлу (*taka hana ok flytja sér/ hafa Guðrúnu [...] til jarls*). А когда **рабы ели** (*meðan þrælarnir mötudusk/ áðr þrælar höfðu matazk*), **тогда собралось так много людей** [собирает Гудрун / Орм], **что тогда** нет никакой возможности (*var eigi kostr/ engan kost*), **чтобы** Гудрун увели (*flytja hana/ Guðrún færi með þrælunum*). Гудрун передала Хакону (*sendi hón þá orð/ Guðrún mælti, það þræla svá segja*) **ярлу, что она не** отпра-
вится к нему (*á hans fund soekja/ til hans koma*), **пока он не** пришлет Тору из Римуля (*Þóra hét á Remoli/ Þóru af Rimul*).

Синонимические изменения (сгруппированные по типам):

— начало периода (мягкое начало/начало с субъекта): 1 **ok gerði hann / Jarl sendi**, 8 **ok sendi hón / Guðrún mælti**

— вид анафоры (имя/местоимение): 2 **gerði hann/ Jarl sendi**, 3 **taka hana/ hafa Guðrúnu**, 7 **at flytja hana / at Guðrún færi**, 9 **sendi hón þá orð Hökoni jarli / Guðrún mælti**, **það þræla svá segja jarli**

— одиночный лексический синоним: 2 **gerði hann af/ Jarl sendi**,

— синонимия оборота: 3 **taka hana ok flytja sér / hafa Guðrúnu til jarls** (привести), 4 **meðan þrælarnir mötudusk / áðr þrælar höfðu matazt** (во время трапезы: пока ели/до того как успели поесть), 6 **hafði hón svá liði safnat at þá var eigi kostr / Lét Ormr þá engan kost** (это невозможно: придаточное/ дополнение), 7 **at flytja hana / at Guðrún færi með þrælunum** (доставить Гудрун: привести/ чтобы Гудрун отправилась с рабами — инфинитив / придаточное), 9 **sendi hón þá orð Hökoni jarli / Guðrún mælti, það þræla svá segja jarli** (передала ярлу), 10 **at hón mundi eigi á hans fund soekja / at hon mundi eigi til hans koma** (встретиться с ним), 11 **nema hann sendi konu þá er hann hafði er Þóra hét á Remoli / nema hann sendi eptir henni Þóru af Rimul** (женщину, которую звали Тора из Римуля/ Тору из Римуля)

Содержательные изменения и их последствия:

В «Круге земном» нет столь четкой мотивации действия ярла Хакона, как в «Обзоре», где Хакон послал за Гудрун «для непотребств» (*til ósæmdar*). Зато почти все дополнения Снорри, а также содержательные изменения касаются появившейся фигуры бонда Орма Люргьи, о котором ничего нет в «Обзоре», но зато в *ÓTODds* мельком говорится, что Орм был женат на Гудрун (ср. редак-
ции S и A по [30]: S, Kap. 46, A, Kap. 56). Зная об этом, Снорри передал роль наиболее активного лица Орму, либо вставляя упоминания о нем, либо прямо меняя текст. Так, Снорри добавил информацию о том, что рабы были посла-
ны к Орму (*til Orms þeirra erenda*) за его женой (*at hafa Guðrúnu, konu Orms*), что Орм пригласил их сначала отобедать (*Ormr það þá fyrst fara til náttverðar*) и, на-
конец, что это Орм, а не Гудрун, собирал людей со всей округи и стоял на том,

чтобы не отдавать Гудрун (*váru komnir til Orms margir menn or bygðinni, er hann hafði orð sent. Lét Ormr þá engan kost, at Guðrún færi með þrælunum*). Таким образом рассказ, призванный в «Обзоре» проиллюстрировать безнравственность ярла Хакона, стал у Снорри рассказом о восстании бондов Гаулардаля.

В остальном же Снорри воспроизвел «Обзор» по принципу пересказа, т.е. оставив остов из идентичного текста и изменив его элементы на синонимические параллельные варианты. Варианты эти не пересекаются с другими источниками и скорее всего являются предпочтением составителя «Круга земного». Важно при этом отметить тонкую работу, которая была проделана при изменении текста с учетом новой детали об Орме — дополнения и синтаксические изменения включены таким образом, чтобы не нарушить «остов» текста.

Подобное соотношение между «Обзором» и «Кругом Земным» встречается и дальше: в эпизоде рассылки ратной стрелы по долине, в рассказе о первом и втором снах Карка. Однако, это не единственно возможный сценарий работы с источником: в некоторых местах Снорри существенно отошел от версии «Обзора»; в таких случаях вообще не остается текстуальных совпадений. Так, поменялась мотивировка побега ярла — в «Обзоре» ярл узнал о ратной стреле бондов, понял, что его предали и удалил от себя всех людей, кроме Карка; в «Круге земном» же Хакон бежал от своих людей, чтобы не навлечь на них беду. Быстрый подъем жителей долины Снорри мотивировал прецедентом с женой Брюньольва, о котором знал по *ÓT Odds* ([30.]: S, Kap.18, A, Kap. 20): там вместо столкновения с Гудрун и Ормом Хакон ярл успешно забрал жену Брюньольва, и Снорри, вероятно, пытался таким образом согласовать источники — при этом он изменил прагматику рассказа о Брюньольве, переместив его из основного повествования в круг периферийных деталей и сжав до одной фразы (ср. [26. S. 142]). После слов «*Non gerði svá ok fagnar vel jarli*» текстуальных совпадений между «Обзором» и «Кругом Земным» в эпизоде смерти Хакона ярла практически нет — вероятно, далее этот источник не был основным.

Таким образом, из описанных выше примеров видно, что включая в «Круг земной» предшествующие источники, Снорри мог как копировать их точь-в-точь, так и использовать технику пересказа. Это может говорить либо о том, что перед нами следы разных переписчиков, предпочитавших разные стратегии (для подтверждения этой точки зрения аргументов у исследователей пока нет, так как в этой части «Круга Земного» не наблюдается таких «швов», как в ПВЛ), либо о том, что составитель средневекового исторического текста мог переключаться между разными способами воспроизведения текста — мог копировать, мог изменять текст, а мог его пересказывать. Если это так, то не могли схожим образом переключаться между «модусами» взаимодействия с текстом и составитель ПВЛ?

В чем же состояла прагматика «модуса пересказа»? Почему бы не скопировать текст, как в случае с рассказом о Сньофриде в «Круге Земном» или о смерти Игора в ПВЛ? Часть изменений происходила из-за появления новых деталей, как это видно по примеру *табл. 5* из «Круга Земного», где составитель внес изменения, желая вставить нового героя и вместе с ним новую нарративную стратегию. В соотношении ПВЛ/Н1Лмл. такой точкой, вызывающей изменения, могла служить не паремия, как предлагалось ранее, а сама деталь об убийстве Бориса и Глеба — для составителя ПВЛ важно было согласовать рассказ с этой историей, в то время как в Н1Лмл. такого четкого намерения не наблюдается. При этом, и в ПВЛ, и в «Круге земном» правке подверглись не только слова, напрямую связанные с объектами содержательных изменений — многие из разночтений

отражают скорее языковые или нарративные предпочтения пишущего (ср. датальный самостоятельный или установку на связность повествования в ПВЛ или же синонимичные лексические обороты в «Круге Земном»). Представляется, что комплексные содержательные изменения приоткрывают возможность для изменений «стилистических» — возможно, задумываясь над текстом, который, по мнению нового составителя, кардинально сменил общее значение, пишущий позволял себе большее языковое проявление. Однако, особенно примечательно, что подобные изменения не выходят за рамки синонимии и параллелизма и не нарушают «остова» из идентичного текста.

Эта вариация внутри четких ограничений текста предшественника становится яснее, если учитывать прагматику создания летописи и королевской саги: и в случае ПВЛ, и в случае «Круга Земного» перед нами тексты, которые осознаются их создателями как исторические. Будучи ограниченными рамками «исторической истины», составители летописи и саги пытались как можно вернее следовать своим источникам и, по возможности, копировали их без изменений. В случае необходимости исправить свой источник, они делали это как можно более тонко, стараясь сохранить не просто основную фабулу сообщения, но и его вербальную структуру. Тем самым они проявляли мастерство составителя исторического текста и ремесленника, обладающего навыками письма — в его задачу входит и сохранение «остова» из идентичного текста, и подбор как можно более близких слов при изменении отдельных элементов содержания. В такой перспективе источник, текст предшественника становится ограничением, которое нельзя разрушать. Однако, внутри этих границ у пишущего есть пространство для свободного маневра — таким образом в ограничениях проявляется его искусство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Picchio R.* Models and Patterns in the Literary Tradition of Medieval Orthodox Slavdom // *American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists*. Paris, 1973. Vol. II.
2. *Живов В.М.* История языка русской письменности. М., 2017. Т. I.
3. *Fisher M.* Scribal Authorship and the Writing of History in Medieval England. Columbus, 2012.
4. *Svanhildur Óskarsdóttir, Lethbridge E.* *Njáls saga* Editions and Textual Variance // *New Studies in the Manuscript Transmission of Njáls saga* / Ed. by Lethbridge, E., Svanhildur Óskarsdóttir. Kalamazoo, 2018.
5. *Jesh J.* Orkneyinga saga: A Work in Progress? // *Creating the Medieval Saga: Versions, Variability and Editorial Interpretations of Old Norse Saga Literature* / Ed. by J. Quinn, E. Lethbridge. Odense, 2010.
6. *Гиппиус А.А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // *Русь в IX–X веках: археологическая панорама* / Отв. ред. Н. Макаров. М.; Вологда, 2012.
7. *Цукерман К.* Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // *Борисоглебский сборник*. / Под ред. К. Цукермана. Paris, 2009. Вып. 1.
8. *Müller L.* Studien zur altrussischen Legende der heiligen Boris und Gleb (6). Die Quellen der Chronik Erzählung: 2. Die Erzählung über die Schlacht bei Ljubeč // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2005/2006. Vol. 64, № 2.
9. *Вилкул Т.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. Cambridge, Mass., 2003. Vol. 11.
10. *Лукин П.В.* События 1015 г. в Новгороде: К оценке достоверности летописных сообщений // *Отечественная история*. М., 2007. № 4.
11. *Михеев С.М.* «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках / *Славяно-германские исследования*. М., 2009. Т. 4.
12. *Шахматов, А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *А.А. Шахматов. История русского летописания*. СПб., 2002. Т. I.

13. *Гуннуус А.А.* «Летописные» паремийные чтения о Борисе и Глебе: история текста и исторический контекст // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. М., 2010. Вып. 2.
14. *Глебова Д.С.* Переписать или пересказать? О пересказе и вариации в рукописной традиции *Bjarnar saga Hítðælakappa* // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». (в печати)
15. *Bagge S.* The Old Norse Kings' Sagas and European Latin Historiography // Journal of English and Germanic Philology. 2016. Vol. 115, № 1.
16. *Sävborg D.* Snorra Edda and the Uppsala Edda // Snorri Sturluson – Historiker, Dichter, Politiker / Ed. by H. Beck, W. Heizmann, Jan van Nahl. Berlin; Boston, 2013.
17. *Gippius A.A.* Reconstructing the original of the Povest' vremennyx let: a contribution to the debate // Russian Linguistics. 2014. Vol. 38, № 3.
18. *Maas P.* Textual Criticism. Oxford, 1958.
19. ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб./Пг./Л./; М., 1841–2001. Т. 1–41.
20. *Лухачев Д.С.* Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. СПб., 2001.
21. *Творогов О.В.* Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28.
22. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. М., 2018.
23. *Мельникова Е.А.* Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001: Историческая память и формы её воплощения / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2003.
24. *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
25. *Andersson Th.M.* Kings' Sagas (Konungasögur) // Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide / Ed. by Carol J. Clover and John Lindow. Ithaca, New York, and London, 1985.
26. *Storm G.* Snorri Sturlassöns historieskrivning: En kritisk undersøgelse. Copenhagen, 1873.
27. *Bjarni Aðalbjarnarson, ed.* Heimskringla. B.I. ÍF XXVI. Reykjavík, 1941.
28. *Ágrip af Noregskonungasögum: A Twelfth-Century Synoptic History of the Kings of Norway* / Ed. and trans. by M.J. Driscoll. Second edition. London, 1995.
29. *Snorri Sturluson. Heimskringla. I. Noregs konunga sögur* / Udg. for Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur ved Finnur Jónsson. København, 1893–1901. (STUAGNL, 23).
30. *Færeyinga saga – Ólafs saga Odds* / Ólafur Halldórsson gaf út. Íslenzk fornrit XXV. Reykjavík, 2006.